

И. Ю. Алексеева¹

МЕТАКУЛЬТУРА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

Идея общества знаний сегодня приобретает черты нового социального идеала, вдохновляющего авторов-обществоведов и определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур. В современной литературе можно найти разные трактовки общества знаний. (Следует отметить, что выражения «общество знаний» и «общество знания» употребляются как синонимичные и соответствуют английскому “knowledge society”).

В 2005 году был опубликован доклад ЮНЕСКО с показательным заглавием «К обществам знания»². Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что слово «общество» употребляется здесь во множественном числе. Это сделано для того, чтобы подчеркнуть многообразие обществ знания, которое будет обусловлено культурным и языковым многообразием. Следует согласиться с авторами доклада в том, что унификация и стандартизация, предполагающая реформатирование имеющихся знаний и отказ от не укладывающихся в новые форматы традиций, не являются оптимальным путем к обществам знания. Чтобы найти ответы на современные вызовы, каждое из существующих обществ должно осознавать и правильно оценивать богатство знаний и способностей, которыми оно обладает.

Современное общество неслучайно называют «обществом меньшинств». В обществе меньшинств никто не ощущает себя принадлежащим к большинству населения, но каждый является представителем какой-либо малой группы, выделяемой по образу жизни, интересам, нравственным или политическим позициям или другим основаниям. Термин «глокализация» акцентирует то обстоятельство, что глобализация сопровождается тенденциями к локализации — возрастанием интереса к местным особенностям и традициям. Интернет — технико-технологический символ глобализации — активно используется в организации локальных сообществ, воссоздании и конструировании локальных культур. Надежды на то, что распространение компьютерных технологий по всему миру позволит выработать согласованные стандарты поведения, способные стать основой глобальной этики³, которая составила бы нормативный каркас глобальной культуры, выглядят скорее наивными, чем имеющими веские основания.

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доцент. Автор 87 научных публикаций, в т. ч.: «Человеческое знание и его компьютерный образ», «Что такое общество знаний?», «Информационная эпоха: вызовы человеку» (в соавт.), «Что такое компьютерная этика?» (в соавт.), «Информационная компетентность, естественный интеллект и НБИКС-революция» и др.

² К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005.

³ Такую идею выдвигала К. Горняк-Кочиковска: *Gorniak-Kocikowska K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics // Global Informational Ethics / eds. T. Bynum, S. Rogerson. Guilford UK: Oprangen Publication, 1996.*

Еще в 1970-х годах авторы доклада, подготовленного для президента Франции⁴, предсказывали, что нарождающееся информационное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное, это будет сложное общество культурных напряженностей и культурных конфликтов. Оправдывается ли сегодня такой прогноз? Скорее да, чем нет. Он верен даже в отношении стран, избежавших политических и экономических потрясений последнего десятилетия XX века: оставив в прошлом классовую этическую структуру, сочетавшую универсальную систему культурных норм (во многом обусловленных христианской религией) с относительно автономными системами разных классов и социальных слоев, эти общества отнюдь не приблизились к состоянию культурной однородности. Более того, была отвергнута и сама правомерность стремления к подобному состоянию как к цели: ценностью провозглашено разнообразие, понимаемое как проявление свободы.

В России минувшего столетия дважды — после революции 1917 года, а затем в 1990-х годах — происходили революционные изменения в экономической, политической и социальной системах, закономерно сопровождавшиеся коренными изменениями в сфере культуры и нравственности. На смену сословному обществу, существовавшему в Российской империи, пришло советское общество, стремившееся к полному социальному равенству всех своих членов и почти достигшее такого равенства. Идея социальной однородности советского общества сочеталась с идеей единой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. С крушением советской системы эти идеи утратили актуальность, стала набирать популярность идея мультикультурности, получившая официальный статус в Западной Европе. Признание европейскими лидерами провала политики мультикультурализма напомнило российским интеллектуалам о том, что их роль не сводится к пересаживанию заграничных идей на отечественную почву, но предполагает также собственное интеллектуальное производство, поиск новых ответов на вызовы современности, создание адекватных инструментов для осмысления быстро меняющегося мира.

Полезным инструментом в осмыслении современной проблематики единства и множественности культур могло бы стать понятие метакультуры. Известно, что идея метакультуры занимала важное место в учении Даниила Андреева, где получила мистическую окраску. Тем, кто использует понятие метакультуры сегодня, не нужно выяснять соотношение его современных смыслов с системой и смыслами Даниила Андреева. Важно то, что выявление и конструирование

⁴ Доклад об ожидаемых социальных эффектах развития информационно-коммуникационных технологий был опубликован в Париже на французском языке в 1976 году. В данной работе использован перевод на английский язык: *Nora S., Minc A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge; L., 1980.*

метакультур способны заполнить становящуюся все более опасной «пустоту» между тем, что именуется глобализацией, и тем, что осознается как локализация, между глобальным информационным обществом и «обществами меньшинств». Идея метакультуры связана с нахождением общих оснований, необходимых для взаимодействия и совместного развития различных культур и субкультур. Нахождение и создание таких оснований — серьезная и сложная работа, которая не может быть заменена упрощенными подходами, декларирующими абсолютную ценность традиции (как правило, одной из многих) или обязанность «прибывающей» стороны соблюдать нормы поведения стороны «принимающей» (эти нормы нередко существуют в виде неписаных правил, не укладывающихся в точные формулировки, и потому не могут быть быстро усвоены). Такая работа предполагает целенаправленное культуротворчество, предполагающее рефлексивное отношение к культуре вообще.

Общепринятое представление о культуре как совокупности достижений людей в освоении природы, обустройстве среды обитания, регулировании отношений между людьми, в науке, технике, искусстве и прочем в данном контексте вполне уместно. Однако наиболее интересные перспективы открывает «программноцентричная» концепция культуры, развиваемая В. С. Степиным. В рамках этой концепции культура мыслится как система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения¹. В. С. Степин выделяет три уровня программ в системе культуры. Первый составляют реликтовые программы, «осколки» прошлых культур, утратившие ценность для общества новой эпохи, но все еще регулирующие некоторые виды поведения людей. Второй уровень представлен программами, возникшими как выражение запросов и потребностей современного общества, а также программами, сформированными на предшествующих этапах развития, а затем вписавшимися (с определенными изменениями) в новые условия. Наконец, третий уровень содержит программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Не всем из них суждено осуществиться в реальности, однако, порождая подобные феномены, общество вырабатывает «проекты», значимость которых может оказаться огромной. Упомянутые типы программ, существующие в культуре на любом этапе ее развития, условно обозначаются соответственно как устаревшие, современные и новаторские.

Опираясь на трактовку В. С. Степина, мы обращаем внимание на языковые средства, используемые в создании программ культуры. Если разные компьютерные программы могут быть написаны на одном языке программирования, то новые программы в культуре не создаются без изменения языка. Эти изменения могут быть более или менее существенными, но всегда предполагают как вхождение в язык новых имен, так и придание новых смыслов уже известным именам. Эти изменения в числе прочего открывают возможность фор-

¹ См., например: *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992; *Он же.* Культура // Философский словарь. М.: Республика: Современник, 2009.

мирования метакультур, части которых мыслятся как особые культуры.

Перспектива современной российской метакультуры была открыта в связи с обретением в 1990-х годах нового смысла словом «россияне». Неожиданно для многих высокопарный синоним слова «русские», принадлежавший языку реликтовых программ, стал использоваться для обозначения всего населения Российской Федерации. Однако задача формирования российской метакультуры не была не только проработана, но и поставлена. Осознанию значимости этой задачи препятствовали разные факторы. В их числе — распространение «передовой» идеи мультикультурности на фоне актуализации архаичных культурных программ, выдвинувших на первый план религиозные различия между людьми, населяющими Российскую Федерацию. Серьезные препятствия метакультурным устремлениям создало имущественное расслоение общества, пришедшее на смену социальному равенству советских времен. Создание метакультуры не требует ликвидации экономического неравенства, но предполагает его осмысление, уверенность в его правомерности — не только юридической, но и нравственной. Следует отметить, что и устаревшее значение слова «россияне» как синонима слова «русские» почти забыто, но не совсем. Отсюда — недоумение по поводу того, что жители Украины не являются россиянами, а жители Кавказа и переехавшие в Российскую Федерацию жители Средней Азии — россияне. Упомянутые препятствия, как и многие неназванные, не имеют фатального характера, но должны продумываться и учитываться в метакультурной программе, без которой Россия будет лишь формальным объединением в одном государстве разных культурных групп, все больше отдаляющихся друг от друга.

Сравнительно недавно казалось, что идея «симфонической» евразийской культуры, выдвинутая русскими эмигрантами в Европе 1920-х годов, представляет интерес в лучшем случае в качестве музейного экспоната. Однако в постсоветский период евразийство получает второе дыхание, а сегодняшняя задача — дополнить евразийскую экономическую интеграцию формированием евразийской культурной идентичности — ставится как практическая.

Необходимость создания метакультур, российской и евразийской, не снимает с повестки дня вопроса о метакультуре русской. Одним из ключевых в этом контексте становится соотношение «русскости» с «украиномством». Ни для кого не секрет, сколь велики усилия и ресурсы, вкладываемые сегодня в противопоставление украинской культуры русской, в воспитание «настоящего украинца, убившего в себе русского». Тем не менее возможность создания современной русской метакультуры, как включающей культуру украинскую, существует. Необходимый для этого язык «программирования» должен содержать средства, служащие делу объединения, не принижающего ни одну из объединяемых сторон, но возвышающего каждую.

Здесь уместно вести речь о новых и хорошо забытых старых именах земель и народов. Например, можно осовременить некогда общепринятое деление русских

на великорусов, малорусов и белорусов, заменив название «малорусь» (воспринимаемое как обидное «недорусские», хотя изначально не имеющее такого смысла) на «перворусь». Разумеется, непривычный конструкт «перворусскости» может удивлять и вызывать возражения, однако найдутся и веские основания законности его происхождения. Ведь когда-то Русью называли лишь небольшую территорию на северо-востоке нынешней Украины, а, например, Новгород Русью не считался. О новгородце, поехавшем в Киев или Чернигов, писали, что он отправился на Русь из Новгорода, а с XIV века Русью называли уже всю территорию, заселенную вос-

точными славянами¹. И кто знает, как сложилась бы судьба украинского сепаратизма, если бы всероссийский самодержец именовался «государем всея Руси, великия, и первыя [вместо малыя], и белыя»?

Чтобы стать «живой идеей», конструкты русской метакультуры, «великорусскости» и «перворусскости» не нуждаются в одобрении официального Киева или официальной Москвы. Решающим является принятие этой идеи представителями интеллектуальных меньшинств России и Украины, ищущих способы самоописания, отвечающие потребностям реализации накопленного историей потенциала творчества.

¹ См.: *Зализняк А. А.* Об истории русского языка. URL: <http://elementy.ru/lib/431649>